

ДУАЛИЗМ ОТНОШЕНИЙ НКВД РСФСР И КОМИНТЕРНА НА ГЕРМАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В 1920–1921 ГОДАХ

В. Л. Черноперов, г. Иваново (Российская Федерация)

В статье показано противостояние и сотрудничество Наркомата по иностранным делам РСФСР и Коммунистического Интернационала на германском направлении в 1920–1921 годах. Основное внимание уделено действиям и оценкам В.Л. Коппа – полулегального полпреда Советской России в Веймарской республике. В публикации выявлена зависимость изменений диалектики отношений НКВД и III Интернационала от позиции Политического бюро ЦК РКП(б), которое определяло внутреннюю и внешнюю политику РСФСР.

Ключевые слова. Политбюро ЦК РКП(б), НКВД, Коминтерн, В.Л. Копп, Г.В. Чичерин, Веймарская республика, КПГ.

Представленная публикация продолжает исследования о дуализме советской внешней политики на германском направлении в межвоенное время [историографию вопроса см., напр.:10]. Это взаимодействие и противостояние революционных устремлений и прагматизма наиболее отчетливо проявилось в отношениях Наркомата по иностранным делам РСФСР (Наркоминдела, НКВД) и Коммунистического Интернационала (Коминтерна, III Интернационала). Автор статьи, не претендуя на всестороннее освещение проблемы, стремится лишь добавить новые штрихи к диалектике отношений НКВД и Коминтерна. Хронологически работа охватывает период с марта 1920 г. по май 1921 г. Выбор временных рамок обусловлен периодом вовлечения в отношения Наркоминдела и III Интернационала уполномоченного Наркоматов иностранных дел и внешней торговли (а фактически «полулегального полпреда») в Веймарской республике Виктора Леонтьевича Коппа. Источниковую базу публикации составили материалы российских архивов, публикации документов и эго-источники.

В.Л. Копп, когда получил задание большевистского руководства – въехать в Германию, цель своей миссии в письме наркому по иностранным делам РСФСР Георгию Васильевичу Чичерину от 26 июня 1919 г. определил предельно ясно: «...главная работа, за которую придется взяться, – это работа политического характера, т.е. помощь спартаковцам» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1037, л. 57]. Таким образом, В.Л. Копп предполагал сосредоточиться на помощи германскому коммунистическому движению, которое большевики по инерции и в память о леворадикальной группе «Спартак» во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург продолжали называть «спартаковским». Выполнение задачи предполагало нелегальные методы работы. Виктор Копп знал их очень хорошо. До Октябрьского переворота 1917 г. он входил в одну из самых засекреченных структур Российской социал-демократической рабочей партии и связанной с ней Германской социал-демократической партии (СДПГ), – Берлинскую транспортную группу, которая обеспечивала нелегальную

транспортировку людей и грузов через российско-германскую границу [15, 44–50]. В Веймарскую республику в 1919 г. Копп въехал также нелегально [15, 82–83].

Добравшись до Берлина, этот эмиссар большевиков оказался в водовороте большой международной политики. Увиденное изменило приоритеты в его действиях. Отныне центром приложения сил Коппа стала не помощь Коммунистической партии Германии (КПГ), а выстраивание взаимовыгодной политики с элитами Веймарской республики, которые в своей массе стояли на антикоммунистических позициях. Это априори вело «полулегального полпреда» Коппа к конфликту как с лидерами Российской коммунистической партии (РКП(б)), настроенными ультрареволюционно, так и с руководителями III Интернационала, который рассматривался как единая коммунистическая партия с отдельными ячейками в разных странах, и целью которого являлась всемирная революция.

В Советской России политический режим имел свою специфику. Высшей властью страны стало Политическое бюро Центрального комитета РКП(б) (Политбюро ЦК РКП(б)), которое в документах часто называли Инстанцией. Именно здесь рассматривались все значимые вопросы внутренней и внешней политики и принятые на заседаниях решения были обязательными к исполнению как партийными, так государственными институтами. В 1920–1921 гг. в Политбюро входило 5 человек (Владимир Ильич Ленин (Ульянов), Лев Давидович Троцкий (Бронштейн), Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили), Лев Борисович Каменев (Розенфельд) и Николай Николаевич Крестинский (в марте 1921 г. его сменил Григорий Евсеевич Зиновьев (Апфельбаум)). Причем почти все члены Инстанции занимали в Советской России высшие государственные посты. В.И. Ленин возглавлял правительство – Совет народных комиссаров (Совнарком, СНК) и Совет труда и обороны, Л.Д. Троцкий руководил Народным комиссариатом по военным и морским делам, а также Революционным советом республики, И.В. Сталин управлял Народными комиссариатами по делам национальностей и Рабоче-крестьянской инспекции, Н.Н. Крестинский стоял у руля Народного комиссариата финансов, а Л.Б. Каменев председательствовал в высшем органе власти столицы – Московском городском совете. Большевицкая партия переплелась также с Коминтерном. Именно РКП(б) выступила инициатором создания этой организации в марте 1919 г., а члены Политбюро и Центрального Комитета вошли в его руководящие структуры. Председателем Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) стал член ЦК РКП(б), а затем и Политбюро Г.Е. Зиновьев.

В.Л. Копп впервые испытал неприятные последствия от действий вождей РКП(б) и Коминтерна весной 1920 г. 12 марта этого года крайне правые силы Германии попытались совершить государственный переворот (Капповский путч), который сорвала всеобщая забастовка трудящихся, местами, переросшая в вооруженное сопротивление. Уже 17 марта 1920 г. путчисты сложили оружие. Через десять дней в Веймарской республике

было сформировано правительство «большой коалиции» (СДПГ, католическая партия Центр, Немецкая демократическая партия) во главе с социал-демократом Германом Мюллером, что означало стабилизацию положения. Однако в Москве этого не заметили. Известие о провале Капповского путча создало у большевистских вождей превратное представление о германских реалиях. В.И. Ленин в телеграмме И.В. Сталину от 17 марта 1920 г. так описал сложившуюся ситуацию и исходящие из нее первоочередные задачи: «...в Берлине идет бой [.] и спартаковцы завладели частью города. Кто победит неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтобы иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на Запад на помощь коммунистам» [8, с. 331].

Ленинский боевой настрой поддержали делегаты IX съезда РКП(б), который открылся в Москве 29 марта 1920 г. Кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) Николай Иванович Бухарин в первый день форума заявил делегатам о захвате немецкими пролетариями берлинской радиостанции и об уверенном движении германских трудящихся к «рабочей диктатуре» [4, с. 9, 10]. В Веймарскую республику полетели радиотелеграммы, в которых приветствовались немецкие пролетарии, поднявшие знамя коммунизма – знамя немецкой Германской Советской республики, «под которым были убиты К. Либкнехт и Р. Люксембург», и проклинались немецкие политики. Прежде всего, из лагеря социал-демократов. В том числе, находившийся у власти президент Веймарской республики Фридрих Эберт. В радиообращениях содержались также вопросы: какие города удерживают германские коммунисты и независимые социал-демократы (?), где находится немецкая Красная армия (?) [17, S. 118–119].

Германское руководство в ответ на телеграммы из Москвы резко меняло отношение к Коппу, которому к марту 1920 г. удалось расположить к себе небольшую часть немецкой политической и экономической элиты. Советский эмиссар свое новое положение и психологическое состояние ярко описал в докладе наркому торговли и промышленности РСФСР Леониду Борисовичу Красину 23 апреля 1920 г.: «...я был ошарашен протестом по поводу всяческого рода поздравительных радио в Рурский бассейн и пр[очее]. В результате: новый министр меня еще не принял, ... вопрос об открытии агентурн[ого] бюро приходится отложить[,] и в правой печати началась против меня травля. При таких условиях ей Богу же опускаются руки. Я только что говорил на эту тему с представителем К.Р.Д. [КПП – В.Ч.] Там не только разделяют мое мнение о вреде поздравительной политики для нашего дела, но находят, что такие приветствия, попадая иногда не совсем в точку, могут играть на руку партизанщине и всяким иным сомнительным элементам.

Я очень прошу Вас[,] Л. Б. [Красин – В.Ч.] [,] и также М. М. [Литвинова – В.Ч.] употребите все усилия для прекращения этой право же неумной политики. Одно из двух: либо хотят добиться этим радио каких-либо важных результатов[,] и тогда нечего городить огород о возобновлении

сношений, комиссиях и пр[очее], или же верно именно второе и тогда нет смысла уничтожать сделанную работу агитационными выступлениями. Впрочем[,] это истины азбучные. Но именно поэтому прошу со всей решительностью выбрать одну какую-либо линию. Разыгрывать роль дурака не имею никакой охоты» [11, ф. 413, оп. 3, д. 325, л. 12–13].

Апелляция Виктора Коппа к Леониду Красину и Максиму Максимовичу Литвинову (Валлаху) не случайна. Это были не только видные большевики, причем из дореволюционной гвардии, но и государственные политики, которые уже в силу занимаемых должностей выступали за прагматизм в действиях Советской России на международной арене. Л.Б. Красин возглавлял Наркомат торговли и промышленности РСФСР (с июня 1920 г. – Наркомат внешней торговли, НКВТ), а М.М. Литвинов занимался налаживанием отношений с деловыми и политическими кругами западных стран не только по линии НКВД, но и через золотовалютные операции, проведению которых революционные призывы явно не способствовали.

Не успели утихнуть страсти по мартовским радиограммам 1920 г., как осенью того же года в отношениях Коппа и Коминтерна появилась новая проблема – поездка в Германию на IV съезд Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ, независимцев) председателя ИККИ Г.Е. Зиновьева и одного из руководителей Всероссийского центрального совета профессиональных союзов Алексея Лозовского (Дридзо).

Высокопоставленные большевики должны были выполнить задачу, поставленную еще Первым Конгрессом III Интернационала в марте 1919 г., – расколоть НСДПГ. В Москве выделяли в этой партии два неравных лагеря. Первый состоял из немногочисленных руководителей-контрреволюционеров, которых называли меньшевиками или реже эсерами. Во второй лагерь включались многочисленные революционно-настроенные рядовые члены партии. При этом большевики в 1919–1920 гг. с удовлетворением фиксировали усиливавшееся в НСДПГ размежевание между двумя лагерями [7, с. 196; 13, с. 314, 392]. В этой поляризации Москва видела укрепление революционных сил Германии. Также Кремль оценил согласие Берлина на въезд в Веймарскую республику Г.Е. Зиновьева и А. Лозовского. Копп придерживался иного мнения. В докладе от 8 октября 1920 г. он призывал советское руководство не обольщаться немецким левым движением. В получении большевиками въездной визы дипломат разглядел не слабость буржуазии Германии, а, наоборот, ее консолидацию и уверенность в своих силах [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 40]. Что касается съезда НСДПГ, то Копп, хотя и считал раскол независимцев неизбежным, предрекал, что по его итогам к КПГ перейдет меньшая часть партии.

Насколько сообщения дипломата влияли на представления высшего большевистского руководства осенью 1920 г. сказать сложно. Во всяком случае, Троцкий в это время начал высказывать определенный скепсис относительно сил и возможностей немецких коммунистов [14, с. 113]. Ленин же продолжал преувеличивать их влияние [7, с. 339].

Коппу вопрос о въезде Зиновьева и Лозовского (первоначально Зиновьева и Бухарина) решал на переговорах с министром иностранных дел Веймарской республики Вальтером Симонсом с конца сентября 1920 г. [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1045, лл. 4, 5]. Учитывая статус московских эмиссаров, решение проблемы было вынесено на заседание немецкого правительства, созданного в июне 1920 г. (правительства «малой коалиции» (Центр, НДП, Немецкая народная партия)). 5 октября 1920 г. въезд был разрешен [16, S. 120].

Зиновьев до отбытия в Веймарскую республику в кругу единомышленников высказывал опасения относительно своей безопасности («не едет ли он в поставленную ему западню», не предпримет ли германское правительство «что-либо нарушающее его неприкосновенность») [10, ф. 5, оп. 1, д. 2103, л. 13]. Проблему удалось снять после переговоров Виктора Коппа с министром внутренних дел Пруссии Карлом Зеверингом. Москва помимо обеспечения безопасности большевистским визитерам обязала Коппа организовать встречу Зиновьева с французскими и итальянскими коммунистами, а также помочь с финансированием съезда НСДПГ [10, ф. 5, оп. 1, д. 2103, л. 54, 56].

Форум независимцев в Галле открылся 12 октября 1920 г. Центральными темами стали доклад о Коминтерне и вступление НСДПГ в эту организацию. Во время выступления Зиновьева «нервное напряжение» достигло «крайней степени». С одной стороны его слова поддерживались аплодисментами, с другой – бурными протестами [3]. В конце концов, как с известным самолюбованием вспоминал Зиновьев, его речь стала победой коммунистических идей, что и отразило голосование [5, с. 46] – 236 делегатов высказались за присоединение НСДПГ к III Интернационалу, против – 156. Зиновьев, упиваясь победой, писал: «Долго не забуду того момента, когда правая часть покидала съезд. Переполненные рабочими хоры грозят кулаками уходящим и шлют проклятия по их адресу. Левые торжественно, с подъемом пели Интернационал. Из правых часть уходила, понура голову, другая часть надменно и нахально смотрела в сторону большинства. У многих из нас сжимались кулаки» [6, с. 48]. За словесной мишурой председатель ИККИ, которого власти Германии после съезда поместили под домашний арест, «не заметил», того, что, во-первых, эффект от его выступления был существенно снижен лидером российских меньшевиков Юлием Осиповичем Мартовым (Цедербаумом), речь которого на съезде НСДПГ зачитал член этой партии Александр Николаевич Штейн (Рубинштейн) [12, с. 161], во-вторых, и это главное, Зиновьев «упустил», что от НСДПГ к КПП, как и прогнозировал Копп, перешло меньшинство – из 893 000 не более 300 000 членов партии.

Выступление Зиновьева и Лозовского спровоцировало в Германии новый взлет недоверия к большевикам. Виктор Копп в телеграмме заместителю наркома внешней торговли Андрею Матвеевичу Лежаве от 18 октября 1920 г. подчеркивал, что теперь «немцы видят в каждом пребывающем из России агитатора и перестали нам верить» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1045, л. 11]. В развернутом виде этот тезис дипломат изложил через

3 дня в письме главе НКВД Чичерину, которое было размножено для руководителей Советской России. В заключении послания наркому Копп с сожалением констатировал: «Нужно согласиться с Симонсом, охарактеризовавшим <...> [инцидент с Зиновьевым и Лозовским – В.Ч.] как “тяжелое испытание на прочность” русско-германских отношений. <...> Придется поэтому считаться на ближайшее будущее с заметным охлаждением отношений» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 53].

Реакцией Кремля на сетования Коппа стала телеграмма Чичерина от 22 октября, в которой от «полулегального полпреда» потребовали демарша перед немецкими властями против задержания Зиновьева [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1045, л. 12]. Копп же ожидал предложений по развитию всего спектра советско-германских связей. Не удовлетворенный телеграммой, он в докладе Чичерину от 28 октября 1920 г. заострил внимание на обстоятельствах инцидента с Зиновьевым и Лозовским. С этим докладом, как свидетельствует запись на его первом листе, ознакомились 13 большевистских руководителей, включая Л.Д. Троцкого, Н.Н. Крестинского, Л.Б. Каменева, Н.И. Бухарина, А.М. Лежаву, члена ЦК РКП(б) Карла Бернгардовича Радека (Собельсона) и начальника Особого отдела ВЧК Вячеслава Рудольфовича Менжинского.

Копп в докладе от 28 октября сообщал: власти Германии расценили выступление Зиновьева и Лозовского на съезде НСДПГ как «начало нового пропагандистского похода Советской России против буржуазного Запада», «в первую очередь» против Веймарской республики [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 49]. Симонс в личной беседе с Коппом заметил, что Зиновьев, «открыто призывающий к применению террора, не может пользоваться гостеприимством Германии», а Лозовский с момента приезда в Веймарскую республику «неоднократно нарушал» «торжественные обещания не выступать на открытых собраниях», а после Галле «сделал свое пребывание в Германии совершенно невозможным». Глава МИД Германии «дал понять Коппу», «что ему с большим трудом удалось уговорить ... сотрудников по кабинету от принятия против Зиновьева более решительных мер» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 49]. В целом, у советского дипломата «получилось впечатление, что ... политика сближения с Совестью Россией получила после зиновьевского инцидента тяжелый удар справа, от которого ей, пожалуй, не так скоро оправится» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 49–49об.].

Перспективы же были еще более безрадостные. У влиятельных германских националистов «хмельной угар» лета 1920 г. от военных успехов Красной армии и ожиданий пересмотра Версальского договора осенью сменился «горьким похмельем» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 49об.]. Теперь они стали высказываться за прекращения всяких сношений с Советской Россией и демонстрировали готовность обнародовать неприятные для Москвы факты, вроде истории о бриллиантах для революционной пропаганды. Из партий, вошедших в правительственную «малую коалицию», по наблюдениям Коппа, «более прилично» в отношении к РСФСР

вел себя только Центр. Демократы же заняли «явно враждебную позицию». Не было поддержки у Москвы и на левом фланге. Лидеры СДПГ заявляли о необходимости возобновления советско-германских дипломатических отношений «больше по должности», чем по убеждениям [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 49об.–50]. Не желали помогать Москве и правые независимцы. Коммунисты же, по прогнозам Коппа, в ближайшее время будут оттеснены «в оборонительную позицию». В итоге, по словам дипломата, сложилось столь «серьезное положение», «что повторение истории Иоффе», т.е. высылки советской миссии из Берлина в ноябре 1918 г., становилось «вполне возможно» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 50об.]. Причем Советская Россия акции помешать не могла. Прежде всего, потому, что у нее в Германии не было многочисленных, надежных и влиятельных сторонников. Широкая общественность страны была взбудоражена и крайне разочарована подготовленным в Риге советско-польским мирным договором, «все тайные пункты» которого Копп «узнал из германской прессы еще до того как получил» их в шифротелеграмме от Чичерина [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 51]. Что касается немецких «рабочих масс», то, как с некоторым сарказмом заметил Копп, «защита» РСФСР с их «стороны дальше демонстраций», «хотя бы импозантных», «пойти не может». Поэтому единственным шансом, который мог предотвратить повторение «истории Иоффе», становилась борьба за сохранение доверия, завоеванного большевиками у «некоторых правительственных и предпринимательских кругов» Веймарской Германии. Но для такого сохранения необходимы были заверения Москвы в том, «что советское правительство не ведет никакой пропаганды, а занимается исключительно мирными делами обмена военнопленных и возобновления торговых отношений» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 51].

Копп понимал, что в условиях двухколейности большевистской внешней политики проводить намеченную им линию будет сложно. «Наши ссылки на то, что Коминтерн одно, а сов[етское] пра[вительство] другое, – писал он, – выслушиваются только дипломатами, до и то с улыбкой авгуров, обыкновенная же публика их и слушать не хочет, и только в момент добродушия воспринимает их с таким же юмором, с каким мы читаем известную сказку о католическом попе, окрестившем курицу карпом в постный день. Это диалектическое противоречие нашей политики, от которого ей, разумеется, не уйти. Нужно только заботиться о том, чтобы противоречие это обострялось не в момент нашей слабости» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 52–52об.].

В следующем докладе Чичерину, датированном 4 ноября 1920 г., с которым ознакомился Ленин, Копп выделил еще два печальных последствия галльского рандеву Зиновьева и Лозовского. Первое: в германском правительстве появились планы связать готовящийся удар по местному рабочему движению «с травлей против Советской России». Вторым печальным последствием стало укрепление в Министерстве иностранных дел Германии антисоветских сил. Главу МИДа Симонса, «попытавшегося было править самостоятельно», «успели взять в плен» «старые тайные

советники», выступавшие против сближения с Москвой и ориентирующиеся на Лондон. В итоге в министерстве «не у дел» оказались «немногочисленные элементы, работавшие в контакте» с Коппом, и, прежде всего, референт по русским делам и сторонник германо-советского взаимодействия Адольф (Аго) фон Мальцан [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 52]. Связи с советским дипломатом перешли к министриал-директору, заведующему отделом России, Польши и северных стран Густаву Берендту, в котором Копп видел открытого реакционера [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 50об.].

В практической плоскости возрастание недоверия к РСФСР поздней осенью 1920 г. проявилось в новых визовых ограничениях для советских специалистов, командированных в Германию [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 52об.], а также в обыске советского корабля «Субботник», который провела полиция Гамбурга при участии представителя «враждующей державы» – Франции. В ответ на эти действия Копп отдал приказ команде «Субботника» «оказать при повторении подобного случая вооруженное сопротивление» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 53–53об.].

Реакция Москвы на донесения В.Л. Коппа о последствиях коминтерновской акции в Галле вкупе с советско-польскими переговорами о мире и ростом антисоветских настроений в разных кругах Германии была неоднозначной. От Г.В. Чичерина во второй половине ноября 1920 г. пришло пространно-успокоительное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Результаты выступления Зиновьева <...> естественны и неизбежны. В общем, однако, результатом этого выступления будет громадное усиление нашей позиции, несмотря на временные неудобства для Вашей работы» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1039, л. 39]. Совсем иной оказалась реакция руководителя советской делегации на мирных переговорах с Польшей Адольфа Абрамовича Иоффе. В докладе Ленину, Троцкому и Крестинскому от 19 ноября 1920 г., он так выразил свое отношение к позиции «полулегального полпреда» в Веймарской республике: «По-моему, только бесхребетностью и паникерством Коппа можно объяснить все его выводы. Делать из высылки Зиновьева такие выводы как делает Копп, способен только он при его чисто обывательском настроении». По мнению А.А. Иоффе, советский представитель в Берлине при анализе ситуации не учитывал влияние на германское правительство изменений в мире – решительную ноту Москвы в адрес Лондона 9 ноября 1920 г., победу на президентских выборах в США У. Гардинага, заключение большевиками концессии с В. Вандерлипом, который был связан с новым главой Белого дома, и поражение в Крыму последних крупных сил Белого движения. «В такой момент, – резюмировал А. Иоффе, – говорить о неизбежности разрыва Германии с нами – значит ничего не понимать в политике. И если бы вместо Коппа в Берлине сидел менее панический и более политически-мыслящий человек, то он наоборот ... мог бы использовать этот момент для того, чтобы ребром поставить вопрос о российско-германских взаимоотношениях и добился того, от чего Германия до сих пор отлынивает» [10, ф. 2, оп. 1, д. 26501, л. 7].

Вряд ли Копп узнал об оценках его деятельности со стороны Иоффе, но даже если бы и ознакомился с ними, вряд ли изменил свою позицию. Прежде всего, потому, что сохранял скепсис относительно революционных сил Германии и ее авангарда – КППГ. Еще 8 октября 1920 г. он писал: «...до сих пор ... германские массы надеялись более на силу штыка русского красноармейца, чем на свою собственную революционную мощь» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 40]. Мало изменились его оценки и через месяц. В докладе от 4 ноября 1920 г. Копп замечал: «Положительные результаты партайтага [съезда – В.Ч.] в Галле скажутся только в будущем, после более или менее продолжительного процесса организационного созревания массовой коммунистической партии и политического воспитания штаба ее руководителей. Пока же сказываются результаты отрицательные в виде дезориентированности масс и организационной слабости партийного аппарата. <...> Германская революция ... не созрела не только для окончательной победы, но даже для достаточно внушительного и успешного протеста в нашу пользу» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 52].

Принятие вывода Коппа, приведенного выше, означало, что в обозримой перспективе главными партнерами Советской России в Германии по выстраиванию взаимовыгодных отношений будут отнюдь не коммунисты или близкие к ним движения, а силы правее КППГ. Следовательно, нужно было приложить максимум усилий, чтобы их не оттолкнуть. В том числе, через пропагандистские компании Коминтерна, нацеленные на Германию

Копп, призывая прислушаться к своим аргументам, иногда «давал волю эмоциям». Наглядным примером служит его письмо Чичерину от 2 декабря 1920 г.: «Вы, на мой взгляд, глубоко не правы, полагая, что шум, поднятый вокруг Зиновьева, носит искусственный характер. Германская буржуазия пережила спартаковское восстание в январе 1919 г., Мюнхенскую советскую республику и Красную армию в Рурском бассейне. Животный страх, который она испытывает перед большевизмом, вовсе не подделен» [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 68].

После истории с Зиновьевым и Лозовским в отношениях Коппа с Коминтерном некоторое время наблюдалось затишье. Новый этап противостояния пришелся на весну 1921 г. Причем вначале он вновь оказался связан с галльским съездом НСДПГ, точнее с его финансированием. Член ИККИ и руководитель его Петроградского бюро (отделения) Михаил Вениаминович Кобецкий заявил, что на этот форум Наркоминдел израсходовал деньги III Интернационала. Чичерин обвинения отверг, о чем уведомил Коппа [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 54]. Позже, 25 апреля 1921 г., нарком сообщил в Берлин о том, что М.В. Кобецкий изначально имел мандат на выплату денег только по линии НКВД, и именно на этом основании Коппу осенью 1920 г. было поручено «уплатить Галле в счет Наркоминдела». Что касается претензий ИККИ, то они, по словам Чичерина, были несостоятельны, ибо не существовало мандата на выплату денег по линии III Интернационала [1, ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 56].

Параллельно с «финансовой проблемой», которая Коппа затронула косвенно, возникла еще одна – поддержка Москвой выступлений в Средней Германии, которые прошли с 23 марта по 1 апреля 1921 г., и кульминацией которых стали боевые действия против сил правопорядка и рейхсвера отрядов под командованием Макса Гельца. Исполком III Интернационал после поражения восставших подготовил воззвание «К революционным рабочим Германии», в котором, в частности, были такие слова: «Первый раз после январских и мартовских дней 1919 г. революционные пролетарии Германии вступили в борьбу против капиталистического правительства не только для того, чтобы получить от него кусочек хлеба, не только для того, чтобы выразить протест против свирепствования белых банд, но желая ... подготовить конец господству германских эксплуататоров. <...> Они доказали всей Германии, что миллионы пролетариев готовы рискнуть своей жизнью, чтобы освободиться от господства капитала. <...> Коммунистический Интернационал говорит вам: вы поступили правильно! <...> Готовьтесь к новым боям, изучайте опыты вашей борьбы, учитесь по этим опытам, сомкните свои ряды, усильте свою легальную и нелегальную организацию, обострите пролетарскую дисциплину и коммунистическое единство борцов» [6, с. 254–256].

Воззвание ИККИ было составлено 6 апреля 1921 г., но его отправка по радио, по-видимому, задержалась. В Христиании его перехватили только 16 апреля в 7.45 утра.

Неуместность нового демарша Коминтерна для Коппа была более чем очевидной. Прежде всего, потому, что именно в это время в завершающую стадию вошли переговоры о советско-германском торгово-политическом договоре [15, с. 323–333], и воззвание ставило под удар его подписание (будет заключен 6 мая 1921 г.). Кроме того, по наблюдениям Коппа, мартовское выступление оказалось не просто провальным, но наглядно продемонстрировало немцам всю слабость местных коммунистов. В донесении Чичерину от 29 марта 1921 г. он так описал ситуацию в Веймарской республике: «Несмотря на внешний грозный вид, события в Германии не имеют серьезного характера. ...радикально настроенные массы не обнаруживают в данный момент склонности к решительным выступлениям. Это чувствует и коммунистическая партия, позиция которой отличается крайней шаткостью. К тому же ее организационный аппарат до крайности слаб. Похоже на то, что партийная организация потеряла власть над своими боевиками, которые принялись действовать на свой страх и риск. Динамитные выступления в Берлине, например, носят на себе явную печать этой дезорганизованности и анархии. <...> Лучшим мерилom несерьезности движения является отношение к нему буржуазии. Средний обыватель держит себя совершенно спокойно, о прежнем ужасе перед красным петухом нет и помину» [1, ф. 04, оп. 13, п. 74, д. 1051, л. 14].

А. фон Мальцан, получив воззвание Исполкома Коминтерна, направил В.Л. Коппу личное письмо, в котором потребовал разъяснений. При этом назвал действия лидеров III Интернационала «новым примером...

вмешательства... во внутренние дела Германии», «в высшей степени характерным признаком безответственной травилы» немецких властей и отдельно отметил причастность к этой акции официальных советских лиц. «Я твердо убежден, – писал Мальцан Коппу, – что Вы, как и я, осуждаете такого рода пропаганду, которая лишь дает новое оружие в руки противников германо-русского соглашения. Мы оба должны нести ответственность за подобный сход с рельсов, и я не могу от Вас скрыть, что это новое воззвание значительно осложнило и ухудшило мое положение» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 70–71].

Копп, получив письмо Мальцана, поспешил на встречу с немецким дипломатом. Во время переговоров он попытался разрядить ситуацию указанием на то, что Коминтерн – «частное международное общество, а не орган русского правительства» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 69]. Для немцев данная аргументация не была новой и неожиданной [17, S. 199], но в апреле 1921 г. они, чтобы не поставить под удар готовящееся соглашение, ее приняли и решили «предать дело забвению».

Копп, несмотря на благополучное разрешение проблемы, в докладе Чичерину от 22 апреля 1921 г. вновь просил Москву быть осмотрительнее. «На будущее время, – увещевал он, – было бы хорошо, если бы Коминтерн свои возвания к немецким рабочим подписывал бы именем представителя Германии в Коминтерне. Тогда формально исчез бы особенно одиозный для герм[анского] пра[вительства] русский характер таких возваний» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2137, л. 69].

Увещевания Коппа подвигли Чичерина 2 мая 1921 г. обратиться к абсолютному авторитету в Политбюро ЦК РКП(б) – Ленину с письмом следующего содержания: «Трудность нашего положения между требованиями нашей легальной, государственной международной политики ... и требованиями нелегальной политики Коминтерна все больше обостряется и заслуживает серьезнейшего внимания. <...> В данный момент Наркоминдел еще не в состоянии поставить этот вопрос в целом и выставить исчерпывающие предложения. Вопрос слишком сложен и труден и его следует еще некоторое время обдумывать в наших партийных кругах. Но есть частности, требующие решения немедленно. Тов. Копп прислал ноту Мальцана от 19-го апреля по поводу радио Исполкома Коминтерна, отправленного из Москвы в Христианию 16-го апреля. <...> Мальцан указывает, что это есть определенный призыв к ниспровержению германского правительства. Он исходит от организации, которой руководят те же лица, господствующие в советском государстве. Этот призыв отправлен с официальной московской радиостанции, которая находится целиком в руках советского правительства. Такая пропаганда дает оружие в руки врагов соглашения между Германией и Россией. <...> В результате беседы между Мальцаном и Коппом удалось на этот раз придать это дело забвению, и Копп ограничился своими обычными объяснениями. Тов. Копп предлагает, чтобы на будущее время возвания Коминтерна к немецким рабочим подписывались именем представителя Германии в

Исполкоме. Это конечно недопустимо, так как призывы исходят от всего Исполкома, а не от одной германской делегации. Но нам казалось бы, в виду обострения связанного с этим общего вопроса, необходимым теперь же поставить вопрос об отделении советской радиостанции от коминтерновской. <...> Мы тогда умоем руки относительно всех выступлений этой радиостанции. <...> Конечно, отделение радиостанции не есть решение общего вопроса о взаимоотношениях правительства и Коминтерна, но это есть частичный временный паллиатив, который хотя бы некоторое время в отдельных случаях может нам помочь» [10, ф. 5, оп. 1, д. 2057, л. 4–6].

Ленин к письму Чичерина прислушался, и вскоре появились «Тезисы Политбюро ЦК РКП(б) о взаимоотношениях между органами Народного комиссариата иностранных дел и Коминтерна» [6, с. 264–265]. На основании этого документа Инстанция 14 мая 1921 г. приняла постановление, внесшее разграничение в сферы деятельности НКВД и III Интернационала. В частности, нелегальной работой отныне запрещалось заниматься «как послам и ответственным должностным лицам, советским представителям за границей, так и курьерам и всяким другим служащим» [10, ф. 17, оп. 3, д. 164, л. 3]. Казалось вопрос, решению которого Копп и другие сотрудники НКВД уделяли столько сил, разрешился. Однако это не так. Как свидетельствуют источники, Политбюро летом – осенью 1921 г. еще не раз будет обращаться к взаимоотношениям НКВД и Коминтерна [10, ф. 17, оп. 3, д. 194, л. 2; д. 242, л. 9]. Причем принятые решения, по сути, повторяли постановление от 14 мая. Данный факт говорит как об игнорировании ИККИ достигнутых договоренностей, так и о сбоях в работе государственного-партийного аппарата большевиков.

Подведем итоги. Перевес в диалектическом взаимодействии НКВД и Коминтерна в 1920–1921 гг. зависел от большевистского Политбюро. А там долгое время превалировали ультрареволюционные ожидания, и основная ставка делалась на Коминтерн. В результате партийный ареопаг на уровне ЦК РКП(б) плохо воспринимал донесения дипломатов о слабости немецкого революционного движения, о том, что не на него, а на другие силы следует делать ставку в диалоге с Веймарской республикой. Свою позицию большевистское руководство изменило с переходом к НЭПу, который повлек кардинальные перемены не только во внутренней, но и внешней политике Советской России. Как следствие укрепились позиции Наркоминдела, сотрудники которого ранее других прочувствовали государственные задачи и вступили в конфликт с линией Коммунистического Интернационала. Причем не только на словах. В начале января 1921 г. член ИККИ М.В. Кобецкий жаловался В.И. Ленину на то, что В.Л. Копп «самым безбожным образом» «задерживает у себя» литературу и корреспонденцию, посылаемую из Москвы для КПГ [14, ф. 5, оп. 3, д. 153, л. 1]. Причем его действия, по мнению коминтерновца, *отражали линию всего Наркоминдела*, которую он охарактеризовал как «свинство» (*die Schweinerei*). Данный факт подтверждает сообщения мемуаристов о том, что в руководстве НКВД, прежде всего, в лице М.М. Литвинова

и В.Л. Коппа, с большим скепсисом относились к экспериментам а-ля Коминтерн [2, с. 143, 146].

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации.
2. Беседовский, Г.З. На путях к термидору / Г.З. Беседовский. – М.: Современник, 1997. – 469 с.
3. Германия на распутье // Вестник НКВД. – 1920. – № 9–10. – С. 36.
4. Девятый съезд РКП(б): март–апрель 1920 г. / Под ред. Н. Л. Мещерякова. М.: Партиздат, 1934. – 612 с.
5. Зиновьев, Г. Е. Двенадцать дней в Германии / Г.Е. Зиновьев. – Пг.: Госиздат, 1920. – 78 с.
6. Коминтерн и идея мировой революции: Документы / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Федер. арх. Служба России; Рос. Центр хранения и изуч. док. новейшей истории; Сост. Я. С. Драбкин и др. – М.: Наука, 1998. – 949 с.
7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1977. – Т. 41. – 696 с.
8. Ленин, В.И. Неизвестные документы, 1891–1922 / В. И. Ленин; подгот. Ю. Н. Амиантовым и др.; Федер. арх. служба РФ, Российский гос. арх. социал.-полит. истории. – М.: РОССПЭН, 1999. – 670 с.
9. Макаренко, В.П. Историография дуализма советской внешней политики 1917–1933 годов: германский аспект / В.П. Макаренко // Вестник ВГУ. – 2018. – № 3. – Сер.: История. Политология. Социология. – С. 4–10.
10. Российский государственный архив социально-политической истории.
11. Российский государственный архив экономики.
12. Савельев, П. Ю., Тютюкин, С. В. Юлий Осипович Мартов (1873–1923): человек и политик / П. Ю. Савельев, С. В. Тютюкин // Новая и новейшая история. – 1995. – № 5. С. 130–166.
13. Сталин, И.В. Сочинения / И. В. Сталин; Ин-т Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). – М. Госполитиздат, 1953. – 488 с.
14. Троцкий, Л. Д. Сочинения / Л.Д. Троцкий. – М.; Л., : Госиздат, 1926. – Т. XIII. – 248 с.
15. Черноперов, В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. / В.Л. Черноперов. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. – 436 с.
16. Linke, H. G. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo / H. G. Linke. – 2 Aufl. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1972. – 296 S.
17. Schlesinger, M. Erinnerungen eines Außenseiters im diplomatischen Dienst – aus dem Nachlaß herausgeben und eingeleitet von Hubert Schneider / M. Schlesinger. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1977. – 316 S.